СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ СЕМЬИ ДЕТСТВА В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Цинченко Г. М.

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57/43, galina_ts55@mail.ru

УДК 316.334.3(470)
ББК 66.3(2Рос),41

Предмет. Роль подходов и институтов в семейной политике и политике детства советское и в постсоветское время.

Цель. Исследование специфики формирования и реализации государственной семейной политики и политики детства в советский и постсоветский период. Определить влияние институтов и подходов советского периода на семейную политику и политику защиты детства на современном этапе. Становление политики защиты детей в России и за рубежом.

Методы. Исследование базируется на изучении, анализе и систематизации материалов теоретических источников советского, постпо теме исследования и изложении авторского подхода.

Результаты. В данном исследовании рассмотрены формирование и реализация стратегий политики в семейной сфере. Выявлена связь подходов и институтов в реализации стратегий политики в семейной сфере. Проанализирован зарубежный и отечественный опыт формирования политики защиты детства в исторической ретроспективе. Выделены приоритетные задачи семейной политики на современном этапе.

Научная новизна. Научная новизна заключается в исследовании взаимосвязи институтов и подходов в реализации стратегий государственной семейной политики и политики в отношении детства. Определена причинно-следственная связь семейной политики и политики в отношении детей на современном этапе с политикой, проводимой в советское время. Выявлена взаимосвязь институтов и подходов в современной политики защите детства в России и за рубежом.

Ключевые слова: семейная политика, политика в отношении детства, институты и подходы, защита детства.

STATE POLICY IN RELATION TO THE FAMILY OF CHILDHOOD IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

Tsinchenko G. M.

Candidate of Science (Sociology), Associate Professor, Associate Professor of the Social Technologies department, the North-Western Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 57/43 Sredny prospect V.O., St. Petersburg, Russia, 199178, galina_ts55@mail.ru

Subject. The role of attitudes and institutions in family policies and policy of childhood in the Soviet and post-Soviet time.

Purpose. To study on the specificity of formation and realization of the State family policy and policy of childhood in the Soviet and post-Soviet period. To determine the influence of institutions and approaches of the Soviet period on family policy and child protection policy at the present stage. The formation of child protection policies in Russia and abroad.

© Цинченко Г. М., 2016

Methods. The study is based on research, analysis and systematization of theoretical materials of the Soviet and post-Soviet periods on the research topic and the author's approach statement.

Results. This study examined the formation and implementation of policy strategies in the family sphere; identified communications approaches and institutions in realization of policy strategies in the family sphere; analyzed international and national experience of child protection policy development in historical hindsight; highlighted priorities of family policy at the present stage.

Scientific novelty. Scientific novelty and originality consists in the study of relationship of institutions and approaches in implementation of State family policy and policy on childhood. The authors defined a causal relationship of family policy and child policy at the present stage with the policy conducted during the Soviet era. Interrelationship of institutions and approaches in the modern child protection policies in Russia and abroad.

Keywords: family policy, policy on childhood, institutions and approaches to child protection.

Становление и развитие семьи происходит в результате взаимодействия политической, экономической, социальной и духовной сфер общества и государства. Государственная семейная политика в России формируется в условиях политических, экономических, социальных преобразований. Общество в лице государства определяет через политику в отношении семьи и детства социальный статус, место и роль подрастающего поколения, а вместе с ним будущее качество человеческого потенциала (трудового, оборонного). Возможность успешного реформирования всегда определялось эффективным воспитанием, социализацией, образованием подрастающего поколения, способного адаптироваться к изменяющимся условиям, развивать позитивные начала в экономической, политической, социальной жизни общества. Под социальной политикой в отношении детей понимается комплексная социально-политическая деятельность направленная на обеспечение детям социальных гарантий для эффективной социализации и развития в интересах общества, то есть это политика, призванная обеспечить социальное благополучие детей. Она имеет цель смягчить социальные проблемы, более полно удовлетворить интересы и потребности детей. Семейная политика и политика в отношении детей взаимосвязаны, так как большинство детей проживают в семьях и их социальное благополучие напрямую коррелируется с благополучием семьи, но и имеют существенные различия. Согласно Всеобщей декларации прав человека дети имеют право на особую заботу и помощь. Каждый ребенок в целях обеспечения его благополучия, должен иметь возможность реализации основополагающего права жить и воспитываться в семье. В Российской Федерации должны создаваться условия для обеспечения соблюдения прав и законных интересов ребенка в семье, своевременного выявления их нарушений и организации профилактической помощи семье и ребенку, обеспечения адресной поддержки нуждающихся в ней семей с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, а при необходимости – приниматься меры по устройству детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семьи граждан. Согласно «Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. №1618-р, «государственная семейная политика представляет собой целостную систему принципов, задач и приоритетных мер, направленных на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей. Семейная политика, являясь составной частью социальной политики, как целенаправленной деятельности государства и других субъектов политики, призвана в первую очередь обеспечивать социальную безопасность семьи, ее благополучие, укреплять обеспечивать развитие семьи как одного из важнейших институтов общества, создавать условия для ее полноценного функционирования и выполнения социально значимых функций, исключительно значимых для общества: рождение, воспитание и социализация детей. Так как большинство населения России проживает в семьях, а значит все проблемы общества (экономические, моральные, жилищные, социокультурные, занятость и др.) концентрируясь в семье, влияют на ее жизнедеятельность, то и приоритеты социальной политики и в различных ее направлениях должны определяться спецификой семейной политики. На наш взгляд важные государственные решения, которые практически все имеют семейный аспект, должны корректироваться при помощи семейной политики в соответствии с проведенной фамилистической экспертизой, оценивающей состояние общества сквозь призму состояния семьи. Государственная политика по отношению к семье и детству не может однозначно оцениваться в течение всего исторического этапа существования социалистического общества. Так, во время

«великого перелома» 1929 года в стране стало многое меняться, в том числе взгляды на проблему взаимоотношения полов. На рубеже 20–30-х гг. сформировались официальные нормы сексуальной и семейной жизни в советском обществе. Они сводились к следующему: советский человек должен ориентироваться на моногамный брак, женская сексуальность может быть реализована только посредством деторождения. Добрачная половая жизнь считалась аморальной, отклоняющиеся формы полового поведения резко осуждались [1]. В середине 1930-х гг. советское государство перешло на позиции защиты семьи и материнства, объявив в 1936 г. аборты вне закона, сделав процедуру развода более труднодоступной и дорогостоящей, установив льготы для многодетных матерей, преследуя безответственных отцов и мужей и клеймя их позором, утверждая авторитет родителей наравне с авторитетом школы и комсомола. Подобные перемены, по-видимому, были вызваны, в первую очередь, падением рождаемости и тревогой по поводу того, что данные о численности советского народонаселения не показывают сильного прироста, ожидавшегося при социализме. Институт свободного брака еще существовал (был упразднен только в 1940 году, но к концу 30-х гг. свободный брак уже не пользовался такой популярностью, как раньше. Количество разводов стало сокращаться. Советские юристы, неистово критиковавшие ценности капиталистического общества и его основную ячейку – семью, кардинально поменяли свои взгляды. Так, в 1927 году академик С. Я. Вольфсон утверждал, что «социализм несет с собой отмирание семьи», то в 1937-м он же писал: «Утверждения, что социализм несет отмирание семьи, глубоко ошибочны и вредны...» [2, с. 244]. В. К. Никольский, специалист по изучению семьи, в эти годы считал, что «индивидуальная семья не только сохраняется, но и укрепляется, как прочная форма брачного союза, основанного на взаимной любви, и ячейка социалистического быта, выполняющая ответственную задачу воспитания детей» [3, с. 233]. Он отмечает важное положение, ставшим определяющим в дальнейшем семейную политику и политику в отношении детства в СССР: «Конечно, брак и развод являются у нас частным делом мужчины и женщины. Но поскольку человек является самым ценным капиталом в нашей стране, поскольку драгоценнейшим достоянием нашего общественного строя являются дети, постольку все, что наносит ущерб этому драгоценнейшему достоянию (половая распущенность, легкомысленное отношение к браку, отказ от содержания своих детей и т. д.), всегда вызывало и будет вызывать вмешательство советского общественного мнения и советского законодательства» [3, с. 234].

Классовые подходы, идеи построения коммунистического общества в мировом масштабе и создания материально-технической базы коммунизма в официальной государственной и партийной идеологии ставили семью, личные и семейные интересы в подчиненное положение. Такие подходы к семейной политики сохранялись на протяжении всего советского периода. Главный идеологический документ советского периода – Программа КПСС – подтверждает это. В Программе «семья» употребляется только в разделе «Задачи партии в области подъема материального благосостояния народа». Заметим, что дети и молодежь в этом документе упоминаются также редко. Что касается семьи, то о ней говорится следующее: при коммунизме семейные отношения окончательно очистятся от материальных расчетов и будут целиком строиться на чувствах взаимной любви и дружбы». И далее «Те семьи, которые проживают еще в переуплотненных (плохих) жилищах, получат новые квартиры. В итоге второго десятилетия каждая семья, включая семьи молодоженов, будет иметь благоустроенную квартиру» [4,с. 65,94]. Приведем цитату из Программы КПСС, в которой содержится идея ранних работ К. Маркса и Ф. Энгельса о переходе при коммунизме к общественному воспитанию детей: «Обеспечить счастливое детство каждому ребенку – одна из наиболее важных и благородных задач строительства коммунистического общества. Дальнейшее широкое развертывание сети детских учреждений создаст условия для того, чтобы все большее число семей, а во втором десятилетии – **каждая семья имела бы возможность по желанию бесплатно содержать детей подростков в детских учреждениях**. Партия считает необходимым сделать все возможное, чтобы уже в ближайшие годы полностью удовлетворить потребности в дошкольных учреждениях. В городе и деревне будет обеспечено: полное и бесплатное удовлетворение потребностей населения в яслях, детских садах и площадках, в школах с продленным днем, в пионерских лагерях, массовое развертывание сети школ-интернатов с бесплатным содержанием детей; введение во всех школах бесплатных горячих завтраков, продленного школьного дня с предоставлением учащимся бесплатных обедов, бесплатное обеспечение школьной одеждой и учебными пособиями» [4, с. 98]. Иными словами, речь идет о бесплатном содержании и профессиональном, воспитании вне семьи и социализации детей в разнообразных детских учреждениях. И грань между помощью семье в содержании и воспитании детей и отторжении, изъятии ребенка из семьи выглядит тонко и неуловимо. С 20-х годов начинает развиваться система детских, преимущественно круглосуточных, дошкольных учреждений. Статистические данные показывают рост детских дошкольных учреждений в последующие годы советской власти. Так, в 1924–1940 г.г. в СССР открылись более 23 тыс. дошкольных учреждений, которые

посещали 1171,5 тыс. детей (в 1923 г. – 42 тыс. детей) [5, с. 174–182]. Однако ресурсы, фактически выделенные на семейную политику за весь период социализма, были недостаточны для практической реализации этих идеологических установок, так как приоритеты государственной экономической политики страны в то время – это усиление военной мощи, индустриализация и наращивание объема производства тяжелой промышленности, подчинение коллективного сельского хозяйства интересам индустриализации. В то же время социальная сфера развивалась по остаточному принципу. Трудности с жильем и низкие заработки препятствовали разводу и возможности создания новой семьи или либо отдельного проживания. Государство, развивая сеть детских дошкольных учреждений, внешкольное воспитание, общественного питания и бытового социального обслуживания, обеспечения и социального обслуживания нетрудоспособных и др., постепенно значительную часть функций семьи брало на себя. Всеобщее вовлечение женщин в сферу общественного труда делало ее более независимой в экономическом плане. Можно говорить об усилении значения тех аспектов семьи и брака, которые связаны с любовью, сексуальными отношениями, психологической поддержкой в семье.

Анализ различных исторических источников показывает, что в дальнейшем государственная семейная политика стала более гибкой и реалистичной, при сохранении главной марксистской идеи общественного воспитания детей и освобождения женщины из сферы неэффективного, домашнего труда на основе всеобщего вовлечения в общественное производство и развития общественного питания и бытового обслуживания. Однако все эти разрушительные для семьи процессы не получили достаточного развития и глубины, а здоровый консерватизм позволил семье, претерпевшей столь существенные воздействия и изменения, модернизироваться, сохранив многие традиции, и выжить. Гегемоническая позиция государства создала условия для формирования патерналисткой семейной политики, когда семье оставался минимум функций и полномочий, а государство брало на себя ответственность за обеспечение и заботу членов семьи. Итогом во многом разрушительных разнонаправленных социально-экономических и политических процессов в России на смену массовой, патриархальной, крестьянской, многодетной, многопоколенной, сельской семье начала XX века, стала массово распространяться эгалитарная, малодетная, нуклеарная, городская семья.

Важно отметить, что особенностью политики в отношении детей в советской России стало становление интенсивное формирование институтов защиты детства, тогда как в западных странах с более длинной историей защиты детства, это развитие происходило поэтапно, в том числе учреждений общественного воспитания и практики интервенции в дела семьи.

Детская беспризорность заставила власть создавать колонии и развивать кризисное вмешательство в семью, для чего были введены в 1919–1926 гг. правовые регуляции помещения несовершеннолетних в учреждения, и введено ограничение родительских прав. Общественное воспитание стало универсальным решением многочисленных проблем семейной политики. Подходы, положенные в основу развития системы общественного воспитания обосновывалось идеями К. Маркса и Ф. Энгельса и зарубежным опытом. А. Гойхбарг, автор концепции первого советского Семейного кодекса, считал, что благополучие детей состоит в отделении детей от нерациональной любви родителей. Он полагал, что помещение детей в учреждения (школы, больницы и др.) и общественное участие в воспитании улучшит качество воспитания и здоровья детей [6]. Период обобществления детства и отношение к семье и семейному воспитанию как к пережитку буржуазии длился около 8 лет и в 1926 году и сменился периодом становления пронаталистской политики, поддерживающей устои семьи. В этот период «даже политические репрессии и отчуждение детей врагов народа от семей вписывались в этот дискурс – к этим детям относились как нелегальным, и помещение в систему общественного воспитания воспринималось как их легализация» [7, с. 24].

В сталинский период политика защиты детей имела ряд этапов, различающихся изменениями политики регуляции рождаемости и Великой отечественной войной. С принятием постановления о педологических извращениях подходы к профессионализации защиты детей сменились подходами обоснование защиты детства, основанных на идеях детских общественных организаций и трудового воспитания. Одновременно проводилась политика ограничения доступа к высшему образованию из-за большой потребности квалифицированной рабочей силы. Однако кризисная интервенция в дела семьи по-прежнему проводилась в отношении семей врагов народа и устройством их детей. Имевшие громкий резонанс судебные дела против родителей, не выполнявших добросовестно свой долг, сосредотачивались на экономических правах ребенка, с главным виновником – отцом, как ответственного за несостоятельность семьи в обеспечении ухода за ребенком [8, с. 172]. Правовая регламентация регулировала и вопрос возможности жизнеустройства ребенка из семьи врага народа в семью родственников с главным критерием лояльности родственников к аресту, а также готовность отказаться от родства с врагом народа. При отсутствии возможности семейного жизнеустройства, ребенка помещали в детский дом. Годы войны принесли изменения в семейную политику,

в том числе и по причине появления большого количества детей-сирот, вопросы относительно которых необходим о было оперативно решать. Материнство стало наделяться сакраментальным смыслом, необходимым как для идеологической поддержки тыла, так в усыновлении детей погибших родителей. Идеологически сталинский период вписывается в традиционный дискурс детско-родительских отношений, с представлением Сталина как отца народов. Из-за маркирования советских отцов как потенциально ненадежных и даже опасных, приоритет ответственности за семью и детей было возложено на матерей. Именно материнский правовой статус, утвержденный в 1930-е гг. и усилившийся в годы Великой Отечественной Войны стал, главной отличительной чертой советской идеологии семейной политики и политики защиты детей длительное время. Только в середине 1970-х гг. риторика семейной политики начинает выделять концепт не матери, а семьи. Однако институционализация материнства как приоритет и эмансипация женщин, в советский период происходила без переосмысления предписаний роли матери как отделяющей от публичной сферы в приватную. В сравнении с феминистской риторикой на западе, в рамках которой критически переосмысливалось развитие политики защиты детства с обусловленным традиционным дискурсом семейных ценностей и с последующим теоретическим осмыслением, то в советской риторике в рамках психологии Н. Н. Авдеевой, С. В. Корницкой, М. И. Лисиной Р. Ж. Мухамедрахимовым и др., с середины 1970-х гг., наоборот, поддерживались теоретические концепты привязанности, укреплявшие идею незаменимости матери для ребенка в ранний жизненный период.

Несмотря на то, что сакральность образа матери определяется и в большинстве культур, например, христианских, в сталинском культе материнства существенно выделялись характерные отличия. В первую очередь выделялось противопоставление интересов женщин и мужчин: позиционировалась необходимость защиты матери и детей от недобросовестного отца. Женщине предписывалась первоочередная роль заботы о ребенке, а не о семье. Государство определялось в качестве единственного источника поддержки матери. Предпринятые государством меры по значительному увеличению повышение оплаты развода, законодательно жесткое обеспечение алиментного права с одной стороны, работало на неразрывность семейных союзов, но с другой стороны, превозношение роли матери с одновременным последовательным принижением роли отца приводило к возникновению отчуждения внутри семьи и превращалось в еще один инструмент манипуляции.

Урбанизация и индустриализация, интенсивно протекающая в 1960-х гг. привели к такому же пониманию детства, что и в Европе в конце XIX в. Ребенок стал восприниматься как не только как общественное благо, но и как капитал будущего. Начинает складываться профессионализация контроля за ребенком и семьей. Причем сначала по отношению к подросткам в конфликте с законом, с введением новых процедур принятия решений и привлечением к участию общественности. В России в период 1961–1967 гг. вводится административный порядок по принятию решений о подростках, находящихся в конфликте с законом с формированием многоуровневой системой Комиссий по делам несовершеннолетних, с одновременной децентрализацией системы служб МВД: детские комнаты милиции, передаются в ведение участковым. Именно в 1960-е гг. был сформирован ландшафт общественного воспитания, функционировавший до конца советского периода и сохранившийся еще и в настоящее время в ряде бывших советских республик. Государственная система общественного воспитания состояла из разнообразных типов учреждений, с доминирующей формой жизнеустройства трех категорий детей: детей-инвалидов; детей, конфликтующих с законом и детей-сирот, в том числе и социальных. Система интернатов для детей-инвалидов имела восемь категорий учреждений. Для подростков, конфликтующих с законом, были созданы спецшколы и воспитательные колонии. Постановление Совета Министров РСФСР от 1 декабря 1964 г. №1494 законодательно закрепило трансформацию системы детских домов в систему школ-интернатов. Индустриальный дискурс был направлен не на семьи, а на детей, так по советским представлениям не требовалось сепарирование ребенка от семьи, а также его обоснование, в отличие от стран Западной Европы.

Одновременно в этот период интенсивно развивается детская психология, в специальных школах начинают работать психологи. Появляются брачно-семейные консультации, ставится вопрос р введении психологических служб в систему образования, в исправительные колонии. Однако разнообразные точки зрения в представлениях о развитии ребенка преимущественно сводятся к вопросу как соотносятся биологическая и социальная обусловленность развития. С середины 1970-х гг. с изменением макроэкономической ситуацией, существенно изменяется политика государства с актуализацией вопроса сокращения бюджета на социальную сферу, и в конце советского периода в защите детей все больше возрастала роль семьи как главного института социализации и воспитания ребенка. Государство вводило разнообразные практики поощрения семьи с одной стороны, а с другой усиливало контроль за исполнением родительских обязанностей. Так, принятие в 1976 г. Верховным судом развернутого решения об использовании лишение родительских прав и изъятие ребенка,

окончательно сформировало пирамиду административного порядка принятия решения о помещении ребенка в то или иное учреждение [7, с. 28]. В состав медико-педагогической комиссии, осуществлявших отбор детей во вспомогательные школы, вводят психолога, и комиссии становятся психолого-медико-педагогическими с наделением их новыми полномочиями, в том числе и оценивать обучаемость детей, уже помещенных в учреждение, для оценки их способности продолжать обучение.

Общественное воспитание начинает рассматриваться как мера крайнего реагирования – лонгитюд, нацеленный на сравнение развития детей в семье и детском доме, становится основой легитимизации негативного отношения к долгосрочному помещению детей в учреждения. Однако ответом становится изоляция учреждений общественного воспитания от сообществ, поскольку принимается решение обеспечить детские дома и интернаты максимально возможной профессионализированной помощью.

Две катастрофы, произошедшие в конце советского периода, взрыв на Чернобыльской АЭС (1986) и землетрясение в Спитаке (1988), оказали непосредственное влияние на формирование двух различных моделей социально-психологической помощи семье и ребенку на постсоветском пространстве. Модель психологической службы в системе образования, которая была разработана в первой половине 1980-х и запущена в «массовое производство» как мера оптимизации помощи детям, пострадавшим от последствий аварии, закрепила ведомственный характер социально-психологической помощи и подход, центрированный на ребенке. Полагаясь на ведомственную организацию служб психологической помощи в США, советские психологи стали адаптировать как методики, так и подходы к управлению психологическими службами. В рамках программы «Дети Чернобыля» впервые стали распространяться методы диагностико-коррекционной работы с детьми, которые затем стали базой для работы первых поколений школьных психологов. Сосредоточенность ведомственной психологии на ребенке и поддержке его развития, а также аффилиация психолога со школой, как одним из институтов отчуждения ребенка от семьи, стало той организационной рамкой, которая определила в политике в отношении детства развитие институтов помощи детям на значительной территории постсоветского пространства.

В Армении, наоборот, были введены в практику службы микро сообщества и новые гуманитарные дискурсы инвалидности, существенно повлиявшие и на дискурс детства: огромное количество детей, получивших серьезные увечья, нуждались как в терапии, так и в последующем принятии обществом, и приоритет утилитарного отношения к детям, столь свойственный советской политики защиты детей, уступил место гуманистическому подходу [9].

Исследование взаимосвязи институтов и подходов нужно и для понимания дефицитов современной ситуации, причин их происхождения и путей минимизации. В современной системе защиты детства не наблюдается разнообразия подходов. Часто отсутствие этого разнообразия, а также смещение границ между разными подходами приводит к тому, что в отстаивании идеи гуманизации на практике, основываясь на утилитарных представлениях, приводит к диверсификации недостаточно гуманных идей. Так, например, обосновывается рациональность и экономическая выгода инклюзивного образования, акцент на прогресс ребенка при семейном жизнеустройстве; медиация с подростками, находящимися в конфликте с законом; приоритет профессиональной помощи. Эксперты в сфере защиты детства часто также имеют утилитарные представления при обосновании гуманизации защиты детства, отдавая приоритет профессиональной помощи, экономической выгоде помещения в семью, а прогресс ребенка является главном аргументом в пользу семейного устройства.

В последние годы помещение ребенка в учреждение стало восприниматься как критическое для ребенка. Ряд экспертов считают, что «даже при желании персонала учреждений заниматься развитием детей, – это практически невозможно делать ... В результате к подростковому возрасту дети деградируют» [10].

Именно на эту стратегию чаще всего и опирается государство, когда начинает испытывать сильнейший интерес к регуляции рождаемости, рынка труда и качества ухода за детьми. А следствием становится только одно – усиление контроля за тем, чтобы по факту вложения усилий был получен результат.

Новый подход в политике по отношению к детям, в том числе и к детям с особыми нуждами, к их благополучию, имеет отличительную особенность – институт семьи выступает в качестве незаменимого сервиса. Оставшееся по-прежнему противопоставление семьи и института общественного воспитания, с приоритетом в пользу семьи. Необходимо при этом отметить, что речь идет не о кровной семьи ребенка, социально-профилактическая работа и поддержка которой продолжает осуществляться по остаточному принципу, а о замещающих семьях, как альтернативе интернатного воспитания. Отношение к семье как к идеально устроенному сервису, который в разы увеличивает шансы ребенка на успешную социализацию и вхождение общество вписывается в рамки того же утилитарного пониманием роли семьи и детства. Детские дома, социально-реабилитационные центры, интернаты и приюты маркируются как «плохой» институт, жертв которого нужно спасать, поэтому необходимо внедрить другой новый «хороший», как например,

инклюзивные школы, судебный порядок изъятия детей, помещение в замещающую семью. Так, судебное изъятие детей из семьи может служить разным целям, в том числе и защиты ребенка от опасных для жизни и здоровья условий, становится подходом, с которым как его сторонники, так и его противники ходят как с флагом. Тоже касается и семейного жизнеустройства детей, инклюзивного образования как помещение детей-инвалидом в школы и понимаемое как интеграционное образование, тогда как интеграция в образование, являясь комплексным подходом, может иметь разные организационные решения. При таком противостоянии институтов и подходов трудно предположить какие подходы будут основными при реализации политики в отношении детей.

Эксперты стран постсоветского пространства обычно упрощают связь между подходами и институтами. Плохие институты (так маркируются детские дома, интернаты и приюты) нужно заменить хорошими институтами (к которым относятся: патронат, изъятие детей по решению суда, инклюзивные школы). Так, например, интеграционное образование понимается часто как помещение детей-инвалидов в школы. Однако, интеграция в образование, являясь комплексным подходом, может иметь при реализации разные организационные решения. Институт патроната в разных странах служит целям. По меткому замечанию В Шмидт этот институт «становится идеей, с которой сторонники патроната и его противники ходят в бой как с флагом» [7, с. 28]. При такой идеологизации института патроната становится невозможным развивать определенный его тип. Теоретизация политики защиты детей затруднено из-за отсутствия единой объяснительной схемы из-за множества не интегрированных подходов и концептов. Политика защиты детей сегодня представляет собой ландшафт разнообразных политических, социальных, экономических и культурных контекстов, для исследование которой нужно комплексное исследование практики на основе междисциплинарного исследования. Эта основа должна соединить разные этапы в развитии политики защиты детей в единую историческую перспективу для сравнения и анализа сформировавшихся в разных регионах практик и дискурсов. Один из основных аспектов благополучия ребенка – это соотношение его безопасности и автономии семьи, предполагает рассмотрение развитие политики защиты детей с точки зрения ее легитимности: как большинство принимало аргументы и порядок вмешательства в семью. Таким образом, исторический аспект становления и развития политики защиты детей, можно рассматривать с точки зрения истории легитимизации и делегитимизации ее критериев и процедур.

В странах, в которых политика защиты детей является действенной, усложнение понимания безопасности ребенка и автономии семьи происходило под воздействием как изменения устройства социальной жизни, в том числе семейной, так и с изменениями акторов защиты детей. А, так как источником легитимизации институтов становились подходы к пониманию ценностей, то это влияло и на институты, и на ценности. Современная защита детей, обусловленная историческим процессом, является многослойной конструкцией, состоящей из плюрализма дискурсов и сложной системой институтов. Именно поэтому, изучение политики защиты детей основывается на выявлении структуры движущих сил, институтов, созданных ими, а также подходов, использовавшихся для обоснования и значимости этих институтов.

В России поздний социалистический период во многом повлиял на современное институциональное состояние защиты детей, однако, как идейное наполнение детерминировано более длительной ретроспективой. Непосредственно советским наследием защиты детей является многоэтапный административный порядок принятия решений, сложившийся в 1970–1980-х гг., который обуславливает трудности развития альтернатив общественному воспитанию и гуманизации системы кризисного вмешательства в дела семьи. И если подходы к пониманию детства не отличались большим разнообразием и до социалистического периода, то становление авторитарного режима поиск разнообразных подходов лишили смысла, зафиксировав лишь стремление искать лучший подход.

Власть принимать решение о стратегии воспитания, образования и о заботе, а также оценивать правильность выбранной стратегии может принадлежать разным институтам, а современная защита детей может быть понята как система практик, нацеленная на обеспечение лучшего качества жизни детей на основе баланса власти родителей, институтов и самих детей. Сомневаться в правомерности действий родителей и специалистов стало отличительной чертой публичного дискурса защиты детей в западных странах [11]. Стремление найти новые стратегии легитимизации защиты детей детерминирует то разнообразие подходов, которое отличает эти страны, например, от стран бывшего социалистического блока.

Общим для всех стран источником кризиса легитимности защиты детей становится конфликт между двумя несущими ценностями семейной политики – автономией семьи и безопасностью ребенка. Самые острые вопросы защиты детей, такие как открытое усыновление, изъятие ребенка, лишение родительских прав, разделенная забота о ребенке после сепарации родителей, указывают на высокую вероятность конфликта между безопасностью ребенка и автономией семьи. И этот конфликт, как и практика его разрешения, может рассматриваться как суть защиты

детей с момента ее возникновения как самостоятельного направления публичной политики, на протяжении всего ее формирования и на современном этапе. Понимание безопасности ребенка и автономии семьи усложнялось в силу трансформации устройства социальной, в том числе семейной, жизни и изменения акторов защиты детей. Подходы к пониманию ценностей становились источником легитимизации институтов, что влияло как на институты, так и на ценности. Эта общая логика развития защиты детей позволяет определиться и с тем, в каких направлениях следует искать специфические черты формации защиты детей в разных странах, в том числе, и на постсоветском пространстве: какие именно подходы использовались для установления институтов, как происходило обеспечение преемственности в развитии институтов, как композиция движущих сил влияла на выбор того или иного института. Государство призвано помогать семье в процессе адаптации к современным реалиям социально-экономических условий с их корректировкой исходя их социально значимых интересов семьи и ее жизнедеятельности. Законы, указы, решения правительства во многом влияют на жизнедеятельность семьи, активизируя или усложняя ее функционирование. Социально-экономический кризис в России определил семейной политике особое значение. Семейной политика призвана создавать пространство, благоприятное для функционирования семьи, придание реформам «семейного аспекта», проводить экспертизы государственных решений с точки зрения воздействия на жизнедеятельность семьи, регулирование социальной напряженности в обществе при развитии партнерских отношений семьи и государства.

Литература:

1. Левина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Летний сад, 1999. 320 с.
2. Вольфсон С. Я. Семья и брак в их историческом развитии. М.: Соцэкгиз, 1937. 244 с.
3. Никольский В. К. Семья и брак в прошлом и настоящем. М.: Соцэкгиз, 1936. 86 с.
4. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1972. 127 с.
5. Цинченко Г. М. Политика в отношении семьи в первые годы советской власти // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. №1 (37). С. 174–182.
6. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории хозяйственного права М.: Статут, 2000.
7. Политика семьи и детства в постсоциализме: коллектив. моногр. / Под ред. В. Шмидт, Е. Ярской-Смирновой, Ж. Черновой. М.: Вариант, 2014. 283 с. 26с
8. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Светской России в 30-е годы: город / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2001. 336 с.
9. Shmidt V. Lost in Transition: Missed Opportunities for Reforming the Education of Disabled Children in Caucasus Countries // Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union History. Policy and Everyday / Ed. by Rasell M., Smirnova E. London: Routledge, 2013.
10. Тульчинская Т. Как система социального призрения в России ломает судьбы детей [электронный ресурс]. URL: http://www.regnum.ru/news/1128298.html (дата обращения 13.10.2015).
11. Gilbert N., Parton N., Skivenes M. Child Protection Systems: International Trends and Orientations. New York: Oxford University Press, 2011.

References:

1. Levina N. B. Everyday life of a Soviet City: norms and anomalies. 1920–1930-s. Spb.: Letniy sad, 1999. 320 p.
2. Wolfson S. Ya. Family and marriage in their historical development. M.: Sotsekgiz, 1937. 244 p.
3. Nicholskiy V.K Family and marriage in the past and present. M.: Sotsekgiz, 1936. 86 p.
4. The program of the Communist Party of the Soviet Union. M.: Politizdat, 1972. 127 p.
5. Tsinchenko G. M. Family policy in the first years of the Soviet power // Vestnik of Lobachevsky Nizhny Novgorod State University. Series: Sotsialniye nauki. 2015. №1 (37). P. 174–182.
6. Joffe O. S. Selected works on civil law: from the history of the civil thought. Civil relations. Criticism of the theory of commercial law. M.: Statut, 2000.
7. Family policy and child welfare in post-socialism. Collective monograph. / Ed. by B. Schmidt, E. Yarskaya-Smirnova, Zh. Chrnova. M.: Variant, 2014. 283 p. 26 p.
8. Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism: Social history of the Soviet Russia in the 30-s: town / Transl. from English. M.: ROSSPEN, 2001. 336 p.
9. Shmidt V. Lost in Transition: Missed Opportunities for Reforming the Education of Disabled Children in Caucasus Countries // Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union History. Policy and Everyday / Ed. by Rasell M., Smirnova E. London: Routledge, 2013.
10. Tulchinskaya T. How the system of social disdain in Russia breaks the fate of children [e-resource]. URL: http://www.regnum.ru/news/1128298.html (date of reference 13.10.2015).
11. Gilbert N., Parton N., Skivenes M. Child Protection Systems: International Trends and Orientations. New York: Oxford University Press, 2011.